

Салихова Эльвина Ахнафовна, Искужина Наиля Гайфулловна

**ГЕТЕРОГЕННОЕ ЯЗЫКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА: СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОГО
КОНТАКТИРОВАНИЯ**

Статья посвящена общей характеристике языкового пространства крупных городов Башкортостана с точки зрения распространенных типов двуязычия и специфики речевого общения жителей в лингвистически неоднородной среде. Предлагается авторское обозначение смешанному языку, существующему в г. Уфе – столице Башкортостана, как региональному варианту русского языка в условиях национально-русского билингвизма.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/3-2/48.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21): в 2-х ч. Ч. II. С. 181-186. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81'246.2;81'246.3.81'272;81'276;81'276.11

Филологические науки

Статья посвящена общей характеристике языкового пространства крупных городов Башкортостана с точки зрения распространенных типов двуязычия и специфики речевого общения жителей в лингвистически неоднородной среде. Предлагается авторское обозначение смешанному языку, существующему в г. Уфе – столице Башкортостана, как региональному варианту русского языка в условиях национально-русского билингвизма.

Ключевые слова и фразы: билингвизм/двуязычие; гомогенный/гетерогенный типы двуязычия; демографическая и коммуникативная мощь языков; диглоссия/триглоссия; филологическая урбанонология; функции языков.

Салихова Эльвина Ахнафовна, д. филол. н., доцент
Уфимский государственный авиационный технический университет
Salelah12@yandex.ru

Искужина Наиля Гайфулловна, канд. филол. н., доцент
Башкирский государственный университет
Iskuzhina@mail.ru

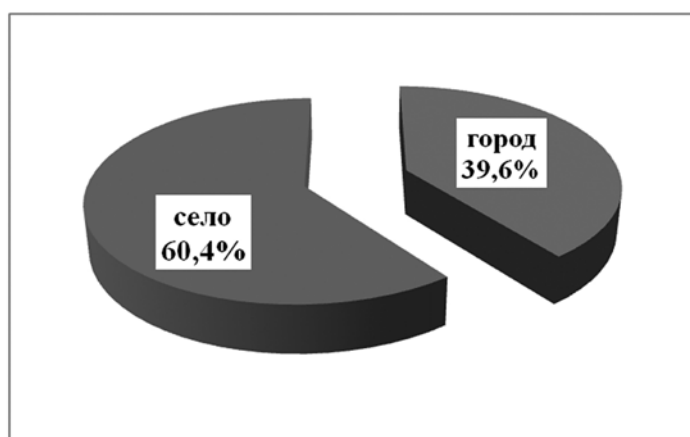
ГЕТЕРОГЕННОЕ ЯЗЫКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА: СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОГО КОНТАКТИРОВАНИЯ[©]

В условиях двуязычия речевое общение может рассматриваться как со стороны *взаимодействующих языков*, так и со стороны *их носителей*. Для определения характера речевого общения в городской лингвистически неоднородной среде целесообразно выяснить, являются ли контактируемые языки близкородственными или неродственными. В пределах Республики Башкортостан (РБ) с низким показателем этнической однородности демографическая мощь языков и функционирование билингвизма представлены на примере трех этносов [5; 7].

В Башкортостане (при общей численности 4 072 292 человека – 100%) русским языком владеют 3 938 063 (96,7%), башкирским языком – 935 810 человек (22,9% от общей численности населения республики), татарским – 1 063 507 (26%). Распределение проживающих по параметру «город-село» представлено следующим образом: в городе – 2 461 652 (60,4%), а в сельской местности – 1 610 640 (39,6%) чел. [8].

Диаграмма.

Распределение населения на городское и сельское, размещение населения на территории РБ

Демографическая мощь русского языка (97%) преобладает над демографической мощью татарского и башкирского языков. Коммуникативная мощь языков также различна. Обучение осуществляется в 775 школах на башкирском языке, в 357 школах – на татарском языке, для сравнения: в 100 школах – на марийском, в 25 школах – на чувашском, в 22 школах – на удмуртском языках. В сфере массовой коммуникации используются русский, башкирский, татарский, а также марийский, удмуртский, чувашский языки (республиканские и районные газеты, радио- и телепередачи). И башкирский, и татарский языки в РБ полифункциональны, т.е. используются в многообразных коммуникативных системах и в разных социальных сферах.

Таблица 1.

Распространенность владения языками по РБ (чел.) [8, с. 38-51]

тип проживания \ нац-ть	русские	башкиры	татары
городской	2 386 468	335 855	478 141
сельский	1 551 595	599 955	585 366
итого	3 938 063	935 810	1 063 507

Таблица 2.

Национальный состав населения РБ (чел.) [8, с. 26-29]

все население	городское и сельское	городское	сельское
башкиры	1 172 287	476 764	695 523
русские	1 432 906	1 099 718	333 188
татары	1 009 295	622 186	387 109

Рассмотрим некоторые особенности речевого взаимодействия в специфической этноязыковой ситуации башкирско-татарского и татарско-башкирского близкородственного (гомогенного) двуязычия и башкирско-/татарско-русского (гетерогенного) билингвизма в крупных городах Республики Башкортостан, поскольку в рамках указанных административно-территориальных объединений в качестве компонентов социально-коммуникативной системы рассматриваемые языки являются средством общения трёх компактно проживающих этносов.

По данным переписи 2010 г., различно и соотношение проживающих представителей основных этносов – башкир, русских, татар (см. Табл. 2), что неизбежно приводит к гомогенному (башкиро-татарскому или татаро-башкирскому) двуязычию, башкиро-татаро-русскому контактированию – трехязычию, а также дву-, три- и полигlossии.

Таблица 3.

Национальный состав городских поселений (чел.) [10]

Адм. единица	Всего	Башкиры	Русские	Татары	территориальная часть РБ
г. Уфа	1 049 479	154 928	530 136	294 399	центральная
г. Стерлитамак	264 362	41 208	131 479	60 779	юго-западная
г. Салават	158 600	28 062	87 266	32 214	юго-западная
г. Нефтекамск	129 740	36 033	37 773	39 606	северо-западная
г. Октябрьский	108 647	14 235	44 382	40 306	западная
г. Туймазы	98 544	24 894	27 310	40 225	западная
г. Белебей	85 836	9 427	40 298	20 282	западная
г. Белорецк	85 247	14 775	60 926	7 122	восточная
г. Ишимбай	70 195	19 964	36 257	10 436	южная
г. Кумертау	69 792	11 426	42 975	9 007	юго-западная
г. Сибай	60 144	29 315	23 282	5 357	юго-восточная
г. Учалы	40 145	21 535	11 318	6 334	восточная
г. Дюртюли	29 984	6 715	2 908	19 444	северо-западная
г. Янаул	27 909	11 990	4 627	7 760	северная
г. Агидель	18 721	7 806	2 771	6 681	северная

Преобладающим в рассматриваемых городах является национально-русский тип двуязычия, при этом степень доминирования одного из компонентов зависит от местоположения города. Так, в городах на юге и юго-востоке Башкортостана доминирующим является башкирско-русский тип двуязычия; на севере и северо-западе распространен преимущественно татарско-русский тип билингвизма; в центральной части можно отметить относительную сбалансированность сосуществующих трех языковых систем. Трудности социолингвистического изучения проблемы заключаются не только в характерном для городов РБ полилингвизме, но и «пестроте ландшафта различных форм некодифицированной речи» горожан [1, с. 59].

Попутно отметим, что на смешанном характере языкового взаимодействия сказывается влияние приграничных на юго-востоке и юго-западе Челябинской и Оренбургской областей, на севере, северо-востоке, западе – Татарии, Удмуртии, а также приближенность к Пермской и Свердловской областям.

Территориальные диалектные особенности русского, башкирского и татарского языков, междиалектные взаимодействия, нередко проявляемые в речи горожан, таковы. На юге и севере РБ можно наблюдать последовательно сохраняющиеся диалектные особенности северного (напр., произношение «о» в 1-й и 2-й предударной позициях: *пОдымаиш*, *шОркаиш*; стяжение гласных – отсутствие интервокального «й» в тв. п., мн. ч.

существительного и прилагательного в сочетании с *моим ногам*) и южного типов (мягкий «т» в окончаниях глаголов: *носят, везут*; «я» вместо «э»: *Явропа, Ляксандра, областя*; фрикативный «г» и т.п.) [4, с. 38], которые в центральной части Башкортостана в условиях контактирования приобретают новые черты, вызванные влиянием литературного языка, соседствующих говоров и языков других народностей.

Восточные (горный и куваканский) диалекты башкирского языка представлены соответственно в северо-восточных и отчасти юго-восточных районах Башкортостана (в частности, в гг. Учалы, Белорецк, Сибай, Баймак и др.), в девяти районах Челябинской области и в трёх районах Курганской области. Они отличаются большой устойчивостью, лексическим и фонетическим своеобразием; демонстрируют рудименты древнетюркского ротацизма (переход какого-либо звука в [г]); широкое употребление континуатива со вспомогательными словами *барыу, тороу, ултырыу*; императива мн. ч. на *-н* и т.д. Диалекты характеризуются такими фонетическими признаками: 1) ассимиляцией согласных, относящихся к аффиксам: «ат-тар» («кони»), «ил-дәр» («страны»), «кыр-зар» («поля»); особенностями словообразования: «карт-тык» («старость»), «кыр-зык» («семена лебеды»), «ат-ты» («конный»), «жэйәү-зе» («пеший»); «эш-тә» («работай»), «йыр-за» («пой»); 2) употреблением «ж» вместо «й» в анлауте: «жыйыу» («собирать»), «жэй» («лето»); 3) неполной гармонией по линии «о», «ө»: бойк («грустный»), «бөйек» («великий»); 4) особенностями реализации общетюркских *s и *z: «юр»/«зур» («большой»), «быһау» («телёнок»).

Южные (луговой, юрматинский) диалектные особенности могут отчасти встретиться в речи жителей гг. Ишимбай, Мелеуз, Кумертау, Стерлитамак, Салават, Давлеканово; распространены в центральных и южных районах Башкортостана, в Оренбургской, Саратовской и Самарской областях. Южные диалекты отличаются: 1) употреблением аффикса множественности на *-лар, -нар*: ат-лар («кони»), «болон-нар» («луга»), аффиксами словообразования на *-лык, -нык, -ле, -ны, -лау, -нау*: «карт-лык» («старость»), «йәйәү-ле» («пеший»); 2) употреблением «й» в анлауте: йәй («лето»); 3) соблюдением губной гармонии: «бөйөк» («великий»).

Западный (северо-западный) диалект, иначе именуемый как бирский диалект татарского языка или тептярский диалект татарского/башкирского языка, распространён в северных и северо-западных районах республики (гг. Агидель, Белебей, Бирск, Дюртюли, Нефтекамск, Туймазы, Октябрьский, Янаул), в Пермском крае и на востоке Татарстана. По определению О. А. Мудрака, являет собой смешанный башкирско-татарский идиом, сложившийся в зоне активной конвергенции башкирского и татарского языков [6]. Отличается: 1) смешанным употреблением звуков «с», «ч» в позиции общетюрк. *ç: «сибәр», «чибәр», («красивый»); «й», «ж»: «йауын», «жауын» («дождь»); 2) сохранением *-s-* в исконных лексемах: «сүрәү» («волочить»); 3) параллельным употреблением «з», «з»: «зур», «зур» («большой»).

Можно предположить, что в условиях обозначенных типов двуязычия взаимная интерференция в речи носителей языков интенсивнее и глубже в отличие от ситуаций генетической отдаленности языков. Разделяя суждение А. Е. Супруна [13] о том, что интенсивность интерференции в некотором смысле прямо пропорциональна генетической близости языков, попытаемся обозначить истоки такого соотношения. Логично предположить, что при владении родственными языками говорящие меньше осознают их различия, чем при использовании неродственных лингвистических систем. Интересно и мнение о том, что каждый из языков, находящихся в контакте друг с другом, испытывает тенденцию становиться отличным от этого же языка, функционирующего в монологической среде.

Близость в грамматическом строе облегчает активно пользующимся тюркскими языками билингвам переходить с одного на другой; в противном случае существенные различия в грамматике не только затрудняют такой переход, но и порождают множество ошибок интерферентного характера.

В характеристике двуязычного речевого общения, с точки зрения *их носителей*, можно выделить несколько аспектов: важны степень владения обоими языками, языковая среда, условия общения и другие. Случаи свободного владения двумя и более языками скорее исключения, чем правило. В типичных же случаях можно говорить о том, что говорящий располагает менее чем двумя, но более чем одной языковой системой. При условии если индивид не только изучал второй язык в школе, затем в вузе, но и постоянно общался в естественном языковом окружении, степень владения языком гораздо выше, чем та, которая свойственна знанию второго языка лишь при изучении его в школе. Эмпирическое изучение башкирско-/татарско-русского двуязычия позволяет утверждать: национальная школа в слабой степени оказывает влияние на знание второго (русского) языка. Те, кто начал изучение русского языка лишь в школе и не поддерживает познание регулярным общением с русскими сверстниками вне школьных коммуникативных ситуаций, владеют русским языком значительно хуже, чем те, кто совмещает школьное изучение русского языка с использованием его в неучебных, естественных ситуациях общения [11].

Учитывая наличие/отсутствие «языковой среды», можно выделить две разновидности двуязычия: в первом случае – более/менее свободный переход с родного языка на второй в разных ситуациях общения; во втором – переход на второй язык в отдельных ситуациях. Переход, или *переключение*, – это лингвистический феномен, в котором две языковые системы, взаимно дополняя друг друга, в целом составляют социально-коммуникативную систему билингва. Отличительная черта такого механизма состоит в том, что структурные элементы используемых языков восполняют не только и не столько лексико-грамматические лакуны в первичном или вторичном языке, как в случае *кодового смешения*, а в том, что они *формируют* социально-языковую ситуацию [12]. С. Т. Саина справедливо полагает, что «только учитывая характер взаимодействия социальных и внутрилингвистических компонентов, можно представить себе полное объяснение использованию того или иного языка в различных ситуациях общения» [10, с. 73].

Под *условиями общения* рассматриваем совокупность составляющих: личность носителей языка/языков и их (взаимо)отношения (официальные/дружеские/нейтральные), социальные роли в рассматриваемом акте общения; цель, способ (устный/письменный; контактный/неконтактный), средства (язык/диалект/стиль), обстановка общения. Перечисленные компоненты представляют модифицированную структуру речевого акта. Каждая из составляющих или их сочетание обуславливает наиболее вероятный выбор языка и характер переключения на другой язык в конкретных условиях общения. Например, если социальные роли общающихся различны, то носитель языка с «высокой» социальной ролью вполне может «навязать» язык общения, речевое поведение и поставить адресата перед выбором языковых средств с учетом собственных (говорящего) приоритетов. В иной ситуации говорящий будет строить свое речевое поведение с учетом приемлемости для адресата одного из двух известных им обоим языков. Равенство социальных ролей предполагает свободное переключение с одного языка на другой.

Закономерности функционирования русского языка на территории РБ, в частности в городской среде, ставят перед очевидностью факта его варьированности в зависимости от степени распространения, национального состава пользующихся им носителей языков, их социальных характеристик и пр. Термин «региональное варьирование» обычно употребляется применительно к функционированию языка в условиях иноязычного окружения. Для обозначения вариативности языка в городе приемлемым и часто используемым термином стало «локальное варьирование»: его применяют при изучении диалектного/диглосного разнообразия какого-либо национального языка, локально окрашенных вариантов литературных стандартов, процессов формирования «промежуточных» языков типа интердиалектов и т.п. Такая варьированность, безусловно, определяется множеством психологических, социальных, этнических, политических, культурных факторов. Рассмотрим отдельные из них применительно к особенностям гетерогенного языкового пространства города Уфы – столицы Башкортостана.

Численность населения Уфы, по предварительным результатам Всероссийской переписи населения 2010 г., составляет 1 071 600 человек. По данным на 1 января 2012 года, на долю города Уфы приходится 25,4% всех жителей республики и 42,2% городского населения. По национальному составу преобладают русские (50,51%), татары (28,05%) и башкиры (14,76%) [5; 8].

Исторически и по сей день Уфа характеризуется преимуществом русского населения, с начала XX века – притоком представителей разных национальностей, что создает своеобразие не только русской речи русского населения, но и русской речи нерусских жителей при высокой степени владения русским языком последними, т.е. не просто владение башкирами татарским, татарами – башкирским языком, а татарами, башкирами – русским [1; 2]. Предполагается нечто третье, порожденное этими двумя типами билингвизма и характерное только для горожан Уфы – «новый народный разговорный язык тюркоязычных жителей Уфы» [1, с. 58], компактно проживающих и активно общающихся в разных сферах жизнедеятельности и представляющих в совокупности лингвистически неоднородную, гетерогенную (диалектную/ди-, триглоссную) этнокультурную группу. Если ввести условный термин для обозначения этого феномена – «БашТаРус» (по первым слогам и буквам распространенных в городе языков, представляющих тюркский компонент национально-русского двуязычия), то можно представить социолингвистическую часть филологической урбанографии как дисциплины, в поле изучения которой вовлекаются сложные коммуникационные объекты: устная речь (в т.ч. «БашТаРус», разговорная речь, городское просторечие и его виды – молодежный жаргон, корпоративные языки, полудиалект, глоссеммы регионального характера, в т.ч. онимы (тюркского происхождения и пр.), письменные тексты (наименования городских объектов, торговые вывески, внешняя реклама, граффити как часть уличного искусства, уличные объявления и пр.). Занимая промежуточное положение по структурно-функциональным характеристикам между койне, лингва франка и общенациональным литературным (русским) языком, «БашТаРус» являет собой региональный вариант русского языка, используемый в качестве средства повседневного общения с широким диапазоном коммуникативных сфер между носителями разных языков и диалектов.

В Уфе, как и во многих других полиэтнических городах РФ, при национально-русском типе билингвизма отмечается сдвиг в сторону русского языка. В подобных случаях для итоговых ситуаций характерна не интерференция как таковая, а ее стабилизовавшиеся последствия, выступающие в форме субстрата: отличная от норматива фонетическая структура базовых языков, лексико-грамматические особенности и т.п. Представляется, что в культурно-языковой картине результатом процесса контактов является ситуация Яз1+Яз2+Яз3, т.е. параллельное стабильное владение двумя/тремя системами как в языковом, так и (или) в культурном плане. Именно к процессам, ведущим к такой ситуации, применимым представляется понятие аккультурации как отличное от ассимиляции и обозначающее появление новой локальной лингвокультуры, без сколько-нибудь существенного ущерба для старых, «взаимопроникновение, своеобразное “вхождение” многочисленных языковых и лингвокультурных средств и явлений одних культур в другие» [15, с. 193]. Разумеется, если одна общность является одновременным носителем в более или менее сравнимой степени двух/трех культур (или языков), то между последними не может не возникнуть хотя бы ограниченных взаимовлияний, как правило, обоюдных, хотя практически всегда неравновеликих. Многое здесь будет зависеть от индивидуальных факторов, но ведь в языковой интерференции при двуязычии они играют не меньшую роль. В подобной ситуации сосуществующие культурные и языковые системы обслуживают, обуславливают и институционализируют социальное поведение на разных уровнях и в разных сферах, причем при переходе от одного уровня (сферы) к другому происходит переключение кода.

А. А. Бурькин отмечает, что билингвы в любой ситуации обладают свободой выбора языка общения. Возможность такого выбора, или полного/неполного переключения с одного языка на другой или с одной языковой

подсистемы на другую, по его разумению, предполагает соблюдение определенных правил, и именно это позволяет рассматривать коммуникацию билингвов в отдельных случаях как определенный ритуал [3], в котором проявляются различные социокультурные черты, имеющие не лингвистическую, а культурную мотивацию, обладающие способностью превращаться в те или иные стереотипы коммуникации (в т.ч. городской).

Языковое взаимодействие в условиях полиэтничного города, сложившегося на протяжении времени и базирующегося на когнитивно-селективном уровне, представляет собой социокультурный феномен, регулирующий поведение (в т.ч. речевое) горожанина. «Образ города», широко понимаемый в рамках филологической урбанографии, «складывается в определённой степени спонтанно, однако, кристаллизуясь, он превращается в некоторую очевидность: как понимание порядка, как намерение, направленное на определённый *modus Vivendi*, как стратегии и тактики обычного и речевого поведения, наконец, как шкала ценностей, значений и смыслов» [16, с. 773]. Так, «образ Уфы», по мнению исследователя, обуславливает понимание регионального варианта русского языка, включающего тюркизмы (местные шутки про негра, Карлсона, бабуягу и деда мороза, типа *гуталин-малай, вертолет-малай, кошмар-ана, кол-тун-бабай*, которые легко понять, зная слова *малай* – «мальчик», *ана* – «тетя», *бабай* – «старик»).

Говоря о городских билингвах, для некоторой части которых русский язык не является их этническим языком, но «дан» им как второй язык, Т. Ю. Позднякова призывает думать о его носителях, т.к. говорящих по-русски билингвов значительно больше, чем исконных носителей русского языка. Изучение языковой самоидентификации личности заключается в том, чтобы понять механизмы того, как русскоговорящие билингвы идентифицируют не только свой русский язык, но и себя с ним [9].

С социолингвистической точки зрения необходимо изучать языковое (русскоязычное) сознание личности с четким разграничением исследования языка при русскоязычии. Проводимые до последнего времени социолингвистические изыскания выявляли, по меткому выражению исследователя, «симптоматику» русскоязычия, но никак не его причины, почему и не смогли дать объективных сведений о том, носителем *какого* именно русского языка являются опрашиваемые. При традиционном описании форм существования русского языка в том или ином двуязычном регионе всегда возрастает вероятность получить «социолингвистические мнимости»: так, в одном из опросов, проведенных в Республике Башкортостан, некоторые информанты-башкиры указали свободное владение башкирским, татарским и русским языками. Любопытство вызывают некоторые факты, когда в такой же последовательности отвечали и проживающие там русские. Однако из этого не следует, что башкирский/татарский является родным языком для всего населения республики, а русский существует лишь в форме неродного языка.

По данным А. И. Фатхутдиновой [14], русский язык билингвов часто квалифицируется как неродной. Это не совсем точно отображает языковые реалии: определения русского языка как *второго родного* при социологических опросах составляют преобладающую часть в городах и русскоязычных ареалах республики. Модели языковой идентификации билингвов, исходящие из стереотипной биномы «свой-чужой», хотя и определяют причины языкового выбора, но субъективируются, например, при русскоязычной самоидентификации: *Я башкирка (татарка). Но и русский – родной для меня: это и детство, и учёба, и любовь... то есть часть моей жизни*. Отметим, что русский как второй родной предстает в описанном случае не по национальной принадлежности опрашиваемой, а на основе образных представлений о языке как сознательной жизни. Происходит нейтрализация обязательных признаков родного языка: степени владения, объема использования, порядка усвоения, «первичности» и др.

Возникающие подобного рода идентификационные барьеры вынуждают признать, что билингв определяет свое отношение к русскому языку в иных категориях. Солидаризуясь с Т. Ю. Поздняковой, представляем важным выявить существующие в билингвальном сознании системы идентификационных признаков той или иной ипостаси русского языка. Русскоязычная идентификация билингва основана, прежде всего, на распределении комплексов *образных представлений* между языками; а отношение же к русскому языку зависит от того, с какой областью значений он ассоциируется в первую очередь. Так, только первый родной язык характеризуется в терминах родства, в «соотнесении с родителями и предками... часто по мужской линии (нет “языка бабушек и матерей”)). Со вторым родным обычно связаны реализуемые... в трех образных системах представления о языке – ментальной сущности – память, знание/сознание и опыт, которые при этом приобретают временные характеристики в отличие от пространственной атрибутики первого родного языка» [9].

Исследования гетерогенного языкового пространства города свидетельствуют, в частности, о его *социализационной* роли в жизни горожанина, способствующей усвоению социальных норм поведения (в т.ч. речевого), обеспечивающей информирование жителей о социальной дифференциации (профессиональной, локальной, возрастной, национально-языковой и пр.), о субкультурах (студенческих, молодежных, детских), к которым можно примкнуть. Подобные городские локальные ниши, различные по территориально-ландшафтным, культурным, экономическим и статусным характеристикам, становятся точками отсчета жизненного пространства, они задают своеобразную *систему координат* – среды, которую горожане наполняют разной деятельностью, в т.ч. речевой, в которой мозаично складывается жизнь города.

Список литературы

1. Аюпова Л. Л. Социолингвистика: актуальные проблемы: учебное пособие. Уфа: Восточный университет, 1997. 79 с.
2. Аюпова Л. Л. Языковая ситуация: социолингвистический аспект. Уфа: Восточный университет, 2000. 156 с.
3. Бурькин А. А. Ментальность, языковое поведение и национально-русское двуязычие [Электронный ресурс] // Мир слова русского. URL: <http://articles.excelion.ru/science/literatura/soch/11187.html> (дата обращения: 27.12.2011).
4. Ермолаева Ю. А. Семантическое варьирование диалектного слова в русских говорах Башкирии. Уфа: БашГУ, 2007. 162 с.

5. **Краткие итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Республике Башкортостан** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bashstat.ru/perepis2010/Sections/itogi/%D0%98%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%B8.aspx> (дата обращения: 11.01.2013).
6. **Мудрак О. А.** Об уточнении классификации тюркских языков с помощью морфологической лингвостатистики // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: региональные реконструкции. М., 2002.
7. **Национальный состав и владение языками, гражданство** [Электронный ресурс] // Всероссийская перепись населения 2002. URL: <http://www.perepis2002.ru> (дата обращения: 16.04.2011).
8. **Национальный состав населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года:** статистический бюллетень. Уфа: Башкортостанстат, 2012. 58 с.
9. **Позднякова Т. Ю.** Русскоязычие и проблемы русскоязычной идентификации билингвов [Электронный ресурс]. URL: http://www.bilingual-online.net/index.php?option=com_content&view=article&id=831:probleme-der-selbsidentifizierung-der-bilingualen&catid=50:kabinet-psihologa&Itemid=47&lang=de (дата обращения: 07.01.2012).
10. **Саина С. Т.** Двужычие и многоязычие в семейной жизни и повседневном быту // О некоторых особенностях двуязычия при близком родстве контактирующих языков. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 60-75.
11. **Салихова Э. А.** Моделирование процессов овладения и пользования психологической структурой значения слова при билингвизме: монография. Уфа: Чурагул, 2012. 487 с.
12. **Салихова Э. А.** Специфика речевого взаимодействия в лингвистически неоднородной среде // Актуальные проблемы контрастной лингвистики, типологии языков и лингвокультурологии в полиэтническом пространстве: сборник материалов Всерос. конф. Уфа: РИЦ БГУ, 2011. Т. 2. С. 230-237.
13. **Супрун А. Е.** Лекции по теории речевой деятельности. М.: Просвещение, 1996. 288 с.
14. **Фатхутдинова А. И.** Этноязыковое развитие Республики Башкортостан: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2011. 26 с.
15. **Халупо О. И.** Межкультурная компетенция в ситуации глобализации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (16). С. 192-195.
16. **Яковлева Е. А.** Филологическая урбанология: новые аспекты изучения // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 6. С. 771-774.

HETEROGENEOUS LINGUISTIC SPACE OF CITY: SPECIFICITY OF SPEECH CONTACTING

Salikhova El'vina Akhnafovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Ufa State Aviation Technical University
Salelah12@yandex.ru

Iskuzhina Nailya Gaifullovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Bashkir State University
Iskuzhina@mail.ru

The authors present the general characteristics of the linguistic space of Bashkortostan major cities in terms of the widespread types of bilingualism and the specificity of residents' conversation in linguistically heterogeneous environment, and suggest the authors' denomination of mixed language existing in Ufa - the capital of Bashkortostan, as a regional version of the Russian language under conditions of the Russian-national bilingualism.

Key words and phrases: bilingualism; homogeneous/heterogeneous types of bilingualism; demographic and communicative power of languages; diglossia/triglossia; philological urbanology; functions of languages.

УДК 81. 00 Д18

Филологические науки

В статье дан анализ акустических исследований, проводившихся В. А. Богородицким. Русский учёный показал сходства и различия в формировании музыкальных звуков и шумов. Особого внимания заслуживают исследования В. А. Богородицкого в сфере изменения тембра, что подтверждается сравнением его теории с научными разработками Г. Гельмгольца. Физико-акустические исследования В. А. Богородицкого рассмотрены с теоретической и практической сторон, отмечен их инновационный характер.

Ключевые слова и фразы: В. А. Богородицкий; фонетика; акустика; звук; шум; гласный звук; согласный звук; сила звука; тон; тембр; произношение; орган речи.

Самарин Дмитрий Александрович, к. филол. н.
Байкальский государственный университет (филиал) в г. Якутске
dsamarin2011@yandex.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ В. А. БОГОРОДИЦКИМ ФИЗИКО-АКУСТИЧЕСКОЙ СТОРОНЫ ПРОИЗНОШЕНИЯ[©]

Несомненная заслуга Василия Алексеевича Богородицкого (1857-1941 гг.) перед наукой состоит в том, что он стал основателем первой в мире фонетической лаборатории. Русский учёный внёс существенный вклад в исследование звуковой стороны языка.